

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S1605788024060121

Новохатский Д. В. Спасти прошлое: хронокоррекция в русской литературе. Milano: Criterion Editrice, 2023. 333 с. (Серия “Entr’Acte”. Вып. 4). ISBN: 978-88-32062-27-4

[Review:] Novokhatsky, D. V. Save the Past: Chronocorrection in the Russian Literature. Milano: Criterion Editrice, 2023. 333 p. (Series “Entr’Acte”, Issue 4). ISBN: 978-88-32062-27-4. [In Russ.]

Издание книги Дмитрия Новохатского «Спасти прошлое: хронокоррекция в русской литературе» (монография издана при финансовой поддержке Департамента лингвистических и литературоведческих исследований Падуанского университета по итогам конкурса на финансирование научных публикаций) — важный вклад в области изучения фантастической литературы в целом и теории отдельных ее жанров в частности. Институализация фантастики, ее изучение в рамках академического литературоведения и выведение за рамки «популярной», «массовой», «развлекательной» литературы уже давно не подвергаются сомнению. Фантастическая литература, особенно возникающая на стыке эпох, в переходные времена, становится инструментом осмысления мира, новым языком описания.

Популярность темы «попаданчества» нередко отмечается исследователями как феномен русской литературы (особенно современной), однако социологический или социопсихиологический подходы, рассматривающие «попаданчество» как отклик на идеологию, проработку травм и т.д., представляются тут недостаточным. Альтернативно-историческое путешествие / хронокоррекция / попаданчество с точки зрения литературоведения оказывается проблемой, имеющей глубокие корни именно в истории литературы (традиции приключенческого романа, исторического романа, романа путешествий, собственно научной фантастики, аллегории, утопии и антиутопии). Возникновение нового жанра альтернативной истории с точки зрения литературоведения и культурологии требует рассмотрения на высоком научном уровне.

Монография Д.В. Новохатского представляет несомненный интерес не только для литературоведов, но также для культурологов, историков, социологов.

В книге разносторонне исследуется жанр альтернативно-исторического путешествия на материале русской литературы. Об объеме исследуемого автором материала можно составить впечатление по заголовкам: «Поэтика альтернативно-исторического романа», «Альтернативно-историческое попаданчество (1910–1980-е годы)», «Альтернативно-историческая хронокоррекция в современной русской литературе».

Теоретические аспекты «попаданчества» знакомят читателя с кругом анализируемых вопросов и позволяют рассматривать альтернативно-исторические произведения в контексте литературы разных эпох, при этом — как нечто уникальное, со своей логикой, философией, продуктивными моделями, спецификой пространства и времени и т.д.

В первый раздел книги включены параграфы, посвященные поэтике произведений в жанре альтернативной истории; освещены теоретические аспекты альтернативной истории и попаданчества, альтернативная история / хронокоррекция как жанровая проблема, тема попаданчества в литературном процессе. Вторая глава посвящена истории альтернативно-исторического попаданчества: 1910–1950-е годы — зарождение жанра, когда попаданчество практически оттеснено научной фантастикой «ближнего прицела»; оттепель (особую роль здесь играет творчество Л. Лагина) и 1960–70-е годы — включение попаданчества в структуру отечественной фантастики, сюжеты о попаданцах, участвующих в реальной истории («антиальтернативная история»), и первые варианты альтернативного развития событий; 1970–80-е годы — нормализация жанра (особенно подробно автор разбирает творчество К. Булычева). Третья глава рассматривает современную литературу, начиная с девяностых

годов, от освоения англо-американской модели до осмысления сложившихся традиций. Здесь анализируются проблематика альтернативной истории в 1990-е годы, ее ключевые темы и сюжеты (в том числе, тема Советского Союза); военная альтернативная история; «эволюционная» хронокоррекция, связанная с внедрением прогрессивных технологий. Автор исследования предлагает как классификацию произведений внутри жанра (с. 44–47 — по соотношению с моделью истории, по типу хронотопа, по типу фантастики), так и его периодизацию, поскольку в отечественной традиции до сих пор это не было проделано (с. 57–59). Некоторые вопросы, впрочем, вызывает соединение в один блок литературы до- и послереволюционных лет: произведения 1910–1950-х годов представлены как единый отрезок, хотя мистико-философские произведения, написанные в русле исканий Серебряного века, возможно, стоило бы отграничить от «технологических путешествий» 1920-х годов¹.

По определению Д.В. Новохатского, альтернативно-историческое попаданчество находится на стыке двух фантастических жанров — собственно альтернативной истории и путешествия во времени (см. также: С. Лем, «Фантастическая теория литературы Цветана Тодорова»). Иными словами, возникает обычная для XX века проблема жанра. В альтернативной истории, по словам автора, можно выделить один четкий признак — изображение альтернативной вселенной, в котором история идет иным путем, нежели в реальном мире (с. 59). Альтернативно-историческое попаданчество, по мнению Д. Новохатского, отличается от альтернативной истории акцентом на роль личности, на ее усилия в создании истории (с. 85).

«Попаданчество» вводится автором в терминологический оборот; как синонимы используются выражения «попаданец», «хронокорректор» и «хронопутешественник» (в связи с чем возникает вопрос, все ли они равнозначны или содержат определенные нюансы значений). Показано изменение самого значения слова «попаданец», от широкого (персонаж оказывается в любом альтернативном мире или времени) до узкого (путешествие в прошлое, в том числе с целью или возможностью его изменить). Как теоретическая проблема предстает использование термина «ухрония» — место вне времени. Кроме того, возникает интересный вопрос: становится ли альтернативным будущее,

если мы дожили до обозначенного в произведении года, а описанные события не произошли?

Д.В. Новохатский расширяет традиционные представления о развитии попаданческого жанра — помимо хрестоматийного «Янки при дворе короля Артура», упомянуты К. Холфорд, С. Чех, Л. Спрэг де Камп (роль которого, в частности, отмечает в своей монографии В. Гопман), А. Азимов. Прослежены традиции попаданчества в западной литературе — роль романтического исторического романа («роли случая и закономерности в истории, повторяемости и цикличности исторических процессов, возможности предотвратить наступление тех или иных последствий принятых решений или иного исхода исторических событий, а также проблема личности в истории», с. 26), постмодернистские сомнения в подлинности истории и представление о множественности миров. Свое место в этой парадигме находит постмодернистский исторический роман, представляющий, по сути, интерпретацию истории (например, Фаулз); одной из границ попаданчества становится и нон-фикшн (документалистика). В свою очередь, попаданчество соприкасается с такими фантастическими направлениями, как киберпанк, стимпанк и т.д., основанными на развитии технологий. Интерес к историческим реалиям, «свидетельствам эпохи» утверждает тему поиска документов, артефактов, ценностей.

Включение попаданческих произведений в литературный контекст, обращение к традиции романа представляется важным для разработки теории жанра. При тяготении к романной форме, характеры в попаданческой литературе зачастую разработаны слабо: это, скорее, столкновение идей, чем характеров. При укорененности в нефантастической традиции, попаданческая литература несет все характерные черты фантастики, в частности ориентацию на читательскую рецепцию (читатель должен соотнести события с реальной историей). Необходимое фантастическое допущение здесь — сама возможность путешествия в прошлое. Оно же определяет границы жанра и позволяет отделить попаданческую литературу от таких смежных явлений, как фолк-хистори, пара- и криптоистория.

Важную роль в формировании жанра играет философия истории, представление о доминантах исторического процесса, об эволюции культурологических систем. В процессе поиска продуктивных моделей попаданческая литература сталкивается с той же задачей, что и литература фэнтези: вымышленный мир, в котором велика степень авторской свободы (например, может быть изменена биография любого исторического лица), должен быть изображен достаточно убедительно, даже

¹ На мысль о том, что первая треть века представляется автору более или менее монолитной, наводит и фраза на с. 123: «Мир, в который переносится протагонист — Европа начала XIX столетия, какой она была представлена в официальной русской и советской историографии».

если внимание автора посвящено, скорее, идеологическим задачам, чем собственно литературным. Опора на документалистику порождает альтернативный документализм и развитие альтернативной оценки персонажей; альтернативная история соприкасается с альтернативной географией. С одной стороны, жанр требует знакомства с историческим материалом, выработки собственной историографической концепции, с другой — он провоцирует упрощение, прерывает цепочки (одного человека или одного решения оказывается достаточным для глобальных изменений). Роль личности оказывается тесно связана с такими вопросами, как принципиальная изменяемость / неизменяемость истории, не только глобальной, но и личной.

Представляется, может быть, излишне дробной предложенная автором терминология — синонимичность ряда понятий приводит к путанице. Так, является ли «хронофантастика» общим определением, включающим, в том числе, альтернативно-историческое попаданчество, или же она описывает только путешествия во времени, не предполагающие изменений истории? Принадлежит ли «хронотуризм» (с. 85) к альтернативно-историческому попаданчеству или к «традиционной хронофантастике»? И т.д. Так или иначе, очевидно одно: терминология нуждается в уточнении, поскольку перед нами живой, активно развивающийся, постоянно переосмысляющий себя жанр. Отечественная альтернативно-историческая фантастика, начавшаяся как бы вне поставленной на поток развлекательной коммерческой литературы, тем не менее использует немало свойственных ей приемов — стандартные сюжетно-композиционные ходы, штампы в изображении героев, исторические стереотипы. Попаданческая фантастика 1960–1980-х годов, в частности, избавившись от обязательного хэппи-энда, становится более философской; современная сближается с массовой, в том числе, благодаря серийности. В контексте культуры постмодерна, открыто заявляющего, что, изображая историю, мы на самом деле изображаем наши представления об истории, хронофантастика оказывается важным звеном литературного процесса.

Полезным инструментом анализа попаданческой литературы становятся и выделенные Д.В. Новохатским типы путешественника во времени — «хронопопаданца»: консультант («серый кардинал»), захватывающий чужую личность «паразит», герой, становящийся ключевым персонажем². Проблемы, затрагиваемые современной

попаданческой фантастикой, отражают, с одной стороны, актуальные именно для русского читателя темы (репрессии, «лихие девяностые», Великая Отечественная война, ностальгия по «советскому детству» и т.д.; может быть, несколько упрощенно автор монографии рассматривает идею «постсоветской травмы»). С другой стороны, запрос на создание «новой истории», поиск национальной идентичности, переживание опыта предков, осмысление личного и семейного прошлого — это то, что сближает современную русскую литературу (не только фантастическую) с мировой, включает ее в контекст общих литературных процессов конца XX — начала XXI в.

Во второй главе книги теоретические рассуждения применяются к практическому анализу произведений, начиная с первого русского классического попаданческого романа «БЕСЦЕРЕМОННЫЙ РОМАН» (с. 115). Предложенные Д.В. Новохатским инструменты исследования (типы героев, сюжетно-композиционные модели, систематизированные концепции философии истории и т.д.) оказываются вполне адекватны для рассмотрения конкретных текстов, составляющих корпус отечественной альтернативно-исторической фантастики. В качестве примеров приводятся пьесы М. Булгакова, «Трудно быть богом» Стругацких и «Час быка» М. Ефремова, «Голубой человек» Л. Лагина, творчество С. Гансовского, К. Курбатова, Д. Биленкина, И. Варшавского, Г. Гора, К. Булычева³, В. Аксенова. Попаданческая фантастика оказывается полем литературной игры с читателем, средоточием аллюзий и отсылок, плодотворной средой для развития и борьбы идей (как, например, прогрессорство и «антипрогрессорство»). Новый этап отечественного развития жанра — с 2000-х годов — отмечен разработкой сюжетов, которые, на настоящем этапе, могут быть названы «особыми приметами» альтернативно-исторической фантастики в России: это тема Великой Отечественной войны, антикоммунистическая проблематика, монархическая утопия.

Выбор тем не случаен: хронофантастика становится способом осмысления особых, символически значимых эпох и событий; для читателя они остаются по-прежнему актуальными и воспринимаются как поворотные точки истории. Отдельно интересен приведенный в пример роман В. Рыбакова «Гравилет “Цесаревич”»: его главные герои — не попаданцы, а «рецепиенты», обитатели идиллически-монархического мира, куда проникают

герой-попаданец — и «паразит», и консультант.

³ Хотя в целом попаданчество в детской литературе, помимо книг К. Булычева, остается за пределами исследования Д. Новохатского.

² Впрочем, эти типы могут и пересекаться; так, например, в романе С. Марнова «И кровь моя досталась львам»

люди из «другой истории», которая, как можно понять, более соответствует нашей реальной. Это, своего рода, попаданчество наоборот. Такими же символическими эпохами для авторов оказываются Смутное время, раскол, правления Ивана Грозного и Петра I (попаданчество в Киевскую Русь, как правило, граничит с фэнтези).

В монографии Д.В. Новохатского убедительно обозначены проблемы жанра и основные вехи его развития, отмечена специфика отечественной хронофантастики, в частности ее несомненный

гуманистический посыл — интерес к личности, ее роли в истории, внутреннему миру людей, оказавшихся участниками важных исторических событий. Попаданчество демонстрирует «литературоцентричность русской культуры, которая проявляется, в том числе, и в литературной фантастике: через литературу российское общество осмысляет себя и возможные пути развития России» (с. 308). Исследование затрагивает целый спектр интересных проблем и в очередной раз доказывает, что фантастическая литература, в том числе новейшая, достойна серьезного изучения.

А.Л. Гумерова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
gratia4@yandex.ru

В.С. Сергеева

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а
yogik84@mail.ru

Anna L. Gumerova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
gratia4@yandex.ru

Valentina S. Sergeeva

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
yogik84@mail.ru

Для цитирования: Гумерова А.Л., Сергеева В.С. <Рец.> Новохатский Д.В. Спасти прошлое: хронокоррекция в русской литературе. Milano: Criterion Editrice, 2023. 333 с. (Серия “Entr’Acte”. Вып. 4). ISBN: 978-88-32062-27-4 // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 6. С. 133–136 DOI: 10.31857/S1605788024060121

For citation: Gumerova, A.L., Sergeeva, V.S. <Rev.> Novohatskij D.V. *Spasti proshloe: hronokorrekcija v russkoj literature*. Milano: Criterion Editrice, 2023. 333 s. (Seriya “Entr’Acte”. Vyp. 4) ISBN: 978-88-32062-27-4 [[Review:]] Novokhatsky, D.V. Save the Past: Chronocorrection in the Russian Literature. Milano: Criterion Editrice, 2023. 333 p. (Series “Entr’Acte”, Issue 4). ISBN: 978-88-32062-27-4. [In Russ.]. Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2024, Vol. 83, No. 6, pp. 133–136 (In Russ.) DOI: 10.31857/S1605788024060121

Дата поступления материала в редакцию: 21 мая 2024 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 3 июня 2024 г.

Статья принята к публикации: 15 октября 2024 г.

Дата публикации: 31 декабря 2024 г.

Received by Editor on May 21, 2024

Revised on June 3, 2024

Accepted on October 15, 2024

Date of publication: December 31, 2024